

ЗНАНИЕ СЛОВА И ВЛАДЕНИЕ СЛОВОМ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ИДЕНТИФИКАЦИИ СЛОВ РОДНОГО ЯЗЫКА (на примере существительных «БОТАНИК» И «БЫДЛО»)

Е.А. Зайцева, И.В. Новикова

Тверской государственной университет, Тверь

Психолингвистическое исследование, рассмотрение конкретных примеров того, как происходит идентификация слова родного языка, предположительно известного носителю языка, а также сопоставление полученных результатов выявления степеней знания слова позволяют вскрыть особенности восприятия и использования слов носителями языка разных возрастов, половой принадлежности и профессионального статуса, приподнять завесу тайны слова в индивидуальном языковом сознании.

Ключевые слова: знание слова / владение словом, психолингвистический эксперимент, шкала знания слов.

Вопрос о минимальном и оптимальном объеме словаря билингва представляет интерес как для теоретиков проблематики усвоения второго языка, так и для преподавателей. Неоднозначность трактовки понятия «владение словом» не позволяет дать единственно верный ответ на этот вопрос. При этом различают *знание языка* и *владение языком* (ср. англ. knowledge и proficiency). Известно, что можно «знать» язык (помнить и осознанно применять много грамматических правил, хранить в памяти заученные списки иностранных слов с их «эквивалентами»), но не быть способным свободно пользоваться этими знаниями в коммуникативных целях вне учебной обстановки. В то же время можно неплохо справляться с коммуникативными задачами в живом общении с носителями языка, имея низкие показатели знаний при формальном тестировании. Таким образом, следует разграничивать понятия знания языка и владения им.

Сегодня ведутся исследования различных аспектов проблемы знания слов изучаемого иностранного языка. Наблюдения показывают, что полное владение словом является редкостью как в условиях билингвизма, так и в родном языке. Психолингвистическая концепция слова предполагает, что «полное» владение словом возможно только для лингвокультурного сообщества в целом, при этом отдельные члены сообщества в разной степени обладают знаниями, лежащими за знанием слова.

В отечественной психолингвистике необходимость разграничения коллективного знания и знания как достояния индивида, а также специфика формирования и функционирования индивидуального знания были подробно рассмотрены А.А. Залевской [5]. Исходя из понимания индивидуального знания как психического феномена, она определяет такое знание как продукт взаимодействия перцептивного, когнитивного и аффективного, вербального и невербального, индивидуального и социального опыта человека. Кроме того, имеет место и переживание знания и отношения к этому знанию, и функционирование знания на разных уровнях осознаваемости.

И.Л. Медведевой [10] удалось показать, что принятый тверскими исследователями подход к слову как достоянию индивида не только отражает углубленное и расширенное понимание сущности языковых явлений, но и созвучен идеям выдающихся русских мыслителей. И.Л. Медведева замечает, что в настоящее время лингводидактика продвигается к осознанию центральной роли слова в процессе овладения вторым языком и признаёт недостаточность трактовки слова как двусторонней языковой единицы для организации эффективного обучения языкам. Таким образом, логика развития психолингвистической концепции слова и потребности лингводидактики обусловили необходимость выработки и последовательного проведения психолингвистического подхода к внутренней форме слова. «Слово образует живое знание благодаря своей внутренней форме, которая отражает процессуальность значения слова и представляет собой особым образом организованную чувственную ткань» [8: 174].

В.П. Зинченко, говоря о живом знании, раскрывает смысл этого понятия с разных сторон, определяя его как соцветие разных знаний: знание до знания (предзнаковые формы знания, мироощущение, неконцептуализируемые образы мира, бессознательные обобщения и умозаключения, бессознательная память-привычка, операциональные и предметные значения, житейские понятия неизвестного нам происхождения и т. п.), т.е. «неявное знание» (М. Полани); знание как таковое (формы знания, существующие в институционализированных образовательных системах, в науке); знание о знании (отрефлексируемые формы знания); незнание; незнание своего незнания; знание о незнании. Знание о незнании содержит нечто большее, чем просто знание. Это отношение к знанию, сознание наличия или отсутствия знания [6].

Представленность слова в сознании в виде декларативного знания не означает возможности усвоения значения слова, минуя стадию

«вживления» слова в ментальный лексикон, при котором слово «переживается» и у него образуются многочисленные связи с другими единицами речевой организации, что обеспечивает успешность его функционирования в процессах познания и общения [8]. Именно благодаря внутренней форме осуществляется связь знака и образа, декларативного знания с процедурным, именно она обогащает содержание слова личностными смыслами и переживаниями [13].

Как уже было упомянуто, неполное владение словом имеет место не только в условиях билингвизма, но и в родном языке. Поразмышлять над разными уровнями владения лексическими единицами помогают наши наблюдения, а также наблюдения других исследователей [7; 9]. В связи с этим поднималась и проблема подбора формата теста для измерения степени освоенности слова [4]. Особое внимание привлекла шкала знания слов М. Веше и С. Парибахт [16]. Хотя эта шкала и имеет некоторые недостатки, которые естественно возникают при попытке свести сложную природу знания слова к единственной шкале, она превосходит на данный момент все другие средства изучения процессов овладения знанием слов. Потому именно её мы выбрали в качестве инструментального средства для проведения нового исследования. В своём исследовании использовали слова, широко употребляемые людьми разного возраста и социального статуса, и уже при подборе материала (а ему предшествовали мини-опросы) проявлялось неполное знание слов, а точнее – существование разных уровней знания слов.

В нашем исследовании принимали участие студенты факультета иностранных языков, экономического факультета и военного университета разных годов обучения. Инструкция включала следующее задание: используя шкалу, присвоить предложенному слову-стимулу категорию и выполнить соответствующее задание. Шкала представлена в таблице.

Таблица

Заявленные категории	Пункты самоотчета и демонстрируемое знание
I	Не помню, чтобы видел это слово раньше
II	Видел это слово раньше, но не знаю, что оно значит
III	Видел слово раньше, и думаю, что оно значит _____ (синоним или перевод)
IV	Я знаю это слово. Оно значит _____ (синоним или перевод)
V	Я могу использовать это слово в предложении _____ (если вы заполнили эту секцию, пожалуйста, заполните также секцию IV)

При анализе материалов проведенного эксперимента мы пользовались системой, разработанной Т.Ю. Сазоновой. Её экспериментальные исследования позволили выделить две основные стратегии идентификации в зависимости от характера опоры, мотивировавшей идентификацию слова-стимула: стратегию опоры на формальные мотивирующие элементы и стратегию опоры на ситуацию; эти стратегии реализуются в следующих идентификационных моделях: опознание мотивирующего слова и/или основы стимула, опознание словообразовательной модели стимула, приписывание признака его потенциальному носителю, прямая дефиниция значения стимула, конкретизация стимула через синоним/симиляр, реакция по сходству звукобуквенного комплекса, прагматическое осмысление, реакция координированным членом категории, отказ от реакции [15].

В данной статье мы решили осветить результаты, полученные на слова- стимулы БОТАНИК и БЫДЛО.

В связи с анализом реакций на эти слова-стимулы представляется уместным заметить следующее. В работе [1] проводилось исследование противопоставления между словами, называющими достаточно четко определенные категории (закрытые системы), и единицами, обозначающими некие открытые системы объектов и явлений действительности. На основе анализа экспериментальных данных, полученных рядом авторов, Л.В. Барсук установила прямо пропорциональную зависимость между параметром образности и наличием большого числа неотъемлемо присущих объекту признаков (под образностью понимается способность слова вызывать мысленный образ соответствующего объекта или явления). Слова БОТАНИК и БЫДЛО являются словами с высокой степенью образности, что, по нашему мнению, и послужило причиной того, что реакции на эти стимулы носили разнообразный характер. Рассматривая проблему референтности значения в индивидуальном сознании, Л.В. Барсук [2] отмечает, что по сравнению с референцией значение – феномен несколько более абстрактный. Под референцией традиционно принято понимать отнесённость имени к отдельному объекту в речевой ситуации. То, что присутствует в сознании вне речевой ситуации – это знание значения. Но кроме референции в речи, чтобы коммуникация состоялась, должна существовать, и существует, референция в языковом сознании индивида. Для того, чтобы общаться, человек должен знать значение слова. Но примечателен тот факт, что люди свободно оперируют словами, даже не всегда точно зная их значение, это говорит о наличии в его языковом сознании потенциальной отнесённости

слова к ряду объектов или ситуаций. Предметная отнесенность имени – это наличие в сознании индивида потенциального поля референтов слова, что обусловлено не только знанием языка, но и жизненным опытом, знанием окружающего мира. Предметная отнесённость резко меняется с изменением значения слова; тем не менее справедливо и обратное: изменение предметной отнесенности влечёт за собой изменение смысла слова. Обсуждаемые слова-стимулы, по нашему мнению, ярко демонстрируют подобное изменение.

Слово-стимул БОТАНИК заинтересовало нас как лексическая единица, претерпевающая изменения в значении в настоящее время (степень знания этого слова-стимула – «5» во всех группах испытуемых). Именно по примерам предложений представилось возможным проследить отношение к слову носителей языка. Что касается субъективных дефиниций Ии., чаще всего их приводилось две: *учёный* и *человек, занимающийся учёбой*. Кроме того, в одном из бланков было отмечено изменение порядка представления этих значений (написанное первым значение было отмечено вторым номером). Тогда и сложилось мнение о том, что носители языка расставляют приоритеты в соответствии с личным опытом и актуальностью значения слова, и в большинстве случаев это делается, на наш взгляд, неосознанно. Среди реакций приводились следующие – *заучка, зубрилка, промокашка, человек, который много читает и знает* и даже *полиглот*. Судя по этим дефинициям, Ии. нейтрально, а может и положительно относиться к слову и субъекту, обладающему подразумеваемыми под ним качествами. А предложения *мы с ботаниками не общаемся* или *Иванов – ботаник, ничего ему кроме учёбы не интересно* вскрывают негативное отношение к человеку, которого можно назвать ботаником.

Примечательно, что в двух бланках Ии., принадлежащих к разным группам (курсантов военного университета и студентов экономического факультета), мы обнаружили следующие реакции на слово-стимул БОТАНИК: *человек в очках, с взъерошенными волосами*; в двух случаях вербальное описание сопровождалось рисунками. Это позволило нам выделить свою собственную идентификационную стратегию в добавление к уже выделенным Т.Ю. Сазоновой – стратегию актуализации зрительного образа, презентуемого с помощью рисунка или вербального описания.

По результатам анализа полученных на слово-стимул БОТАНИК данных считаем необходимым отметить следующее. Оказалось, что степень знания Ии. этого слова максимальная. Мы считаем, что поскольку слово приобрело новое значение в последние годы, при этом значение и

появилось благодаря молодому поколению (более того – учащимся), то, принимая во внимание возраст испытуемых, уверены, что факторы возраста и социальной принадлежности сыграли в этом случае главную роль.

Слово-стимул БЫДЛО представило немалый интерес. К примеру, в группе второго курса ФИЯ и МК не было ни одного отказа от реакции, более того, во всех случаях были выбраны категории 3, 4, 5, показывающие, что Ии. достаточно уверены в своем знании этого слова. Категория 3: 1) *моральный урод*; 2) *что-то очень неприятное*; 3) *нехороший человек*; категория 4: *невоспитанный, грубый человек*; категория 5: 1) *аморальный, отвратительный, вызывающий презрение (Не люди, а быдло!)*; 2) *морда, рожа, харя (Он плюнул ему прямо в быдло!)*. Все реакции носят крайне отрицательную эмоциональную окраску. Замечательно, что даже компьютер, подчеркивая наше слово-стимул, привлекает внимание к тому, что это «возможно, бранное слово, его употребление в литературном языке нежелательно». В словаре под ред. Ушакова мы находим следующее значение слова «быдло»: ‘о безвольных людях, покорных насилию’, но оно не отмечено, как бранное. Забавной кажется реакция-цепочка *морда, рожа, харя*. На наш взгляд, некоторую схожесть звучания имеют стимул БЫДЛО и слово «хайло», некоторые значения которого по В.И. Далю ‘горло, рот, зев, пасть’, по словарю С.И. Ожегова [14] – ‘горло, глотка’ и стали основанием для создания цепочки синонимов. Среди реакций на обсуждаемое слово-стимул студентов четвертого курса факультета ИЯ и МК были следующие: *необразованный, грубый человек; работяга; плохой, уродливый, ничтожество* и др. Так же, как и в предыдущей группе, нами замечена негативная окраска реакций. Один И. предположил, что *это слово не несло положительной или отрицательной коннотации раньше, сейчас используется как жаргон*. Осторожность проявил и другой: *это должно быть что-то хорошее, но используется нами для обозначения нехорошего человека*. Среди примеров употребления этого слова в предложениях часто встречался следующий: *Народ – не быдло!* Мы позволили себе предположить, что такое «клише» появились в результате предвыборных кампаний и сопровождающих их различных листовок. Реакция *надло* могла возникнуть на основании сходства звукобуквенного комплекса. В связи с обсуждаемым материалом нам кажется важным отметить наличие эмоциональной нагрузки у всех слов [11;12]. Результаты экспериментального исследования убедительно показали неразрывную связь эмоциональности и оценочности, и, следовательно, наличие положительной, отрицательной и нейтральной

эмоциональной нагрузки слова. Оказалось также, что при сравнении экспериментальных данных с материалами толковых и ассоциативных словарей прослеживается тенденция к подвижности эмоциональной нагрузки слова, её изменению с течением времени и в зависимости от возраста и социальной принадлежности информантов.

Проведение психолингвистического исследования, рассуждение на основе конкретных примеров о том, как происходит идентификация слова родного языка, предположительно известного носителю языка, а также сопоставление полученных результатов выявления степеней знания слова позволяют вскрыть особенности восприятия и использования слов носителями языка разных возрастов, половой принадлежности и профессионального статуса, приподнять завесу тайны слова в индивидуальном языковом сознании.

Список литературы

1. Барсук Л.В. Психолингвистическое исследование особенностей идентификации значений широкозначных слов (на материале существительных): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1991. 16 с.
2. Барсук Л.В. Категоризация как психолингвистическая модель установления референции // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: Коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С.21–55.
3. Зайцева Е.А. Некоторые особенности понимания «агномимов» // Психолингвистические исследования: слово и текст: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2002. С. 28–35.
4. Зайцева Е.А. Проблема подбора формата теста для измерения степени освоенности слова // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. Вып.2. С.49–56.
5. Залевская А.А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования: Монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1992. 136 с.
6. Зинченко В.П. Психологическая педагогика. Материалы к курсу лекций. Ч.1. Живое знание. Самара: Самарский Дом печати, 1998. 213 с.
7. Комарова Ю.В. Экспериментальное исследование стратегий идентификации низкочастотных слов родного языка // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2004. – Вып. 3. – С.64–70.
8. Медведева И.Л. К какому типу знаний относится знание слов? // Слово и текст: психолингвистический подход: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. – Вып. 1. – С.99–112.
9. Медведева И.Л. Психолингвистический подход к внутренней форме слова // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология: Материалы конференции. Уфа, 2004. С.209–212.

10. Медведева И.Л. Функционирование иноязычной лексики в свете психолингвистической концепции слова // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. Тверь, 1999. С.132–174.
11. Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования: монография. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1990. 110 с.
12. Мягкова Е.Ю. Эмоциональность слова в индивидуальном лексиконе // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: Коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С.56–74.
13. Новикова И.В. Внутренняя форма слова как объект исследования // Вестник Костромского государственного университета. 2010. № 3. Том 16. Раздел «Лингвистика». С. 171–175.
14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
15. Сазонова Т.Ю. Стратегии и опоры при идентификации слова // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека. Тверь: Твер. гос. ун-т, 1999. С.102–132.
16. Paribakht T. & Wesche M. The relationship between reading comprehension and second language development in a comprehension-based ESL program // TESL Canada Journal. 1993. Vol. 11. Pp.9–29.

WORD KNOWLEDGE / WORD PROFICIENCY: NOUN PERCEPTION, COGNITION AND EVALUATION

E. Zaitseva, I. Novikova
Tver State University, Tver

The question of what it means to know a word has fascinated many psychologists, sometimes with consequences of considerable practical value to the science. Word knowledge has provided fertile ground for psycholinguistic and psychological studies; the reason may be that it raises fundamental questions. Knowing a word is generally considered to be a matter of knowing the word's meaning. But it seems obvious to us that words are interrelated in diverse and complex ways.

Key words: *word knowledge/ word proficiency, vocabulary knowledge scale, psycholinguistic research.*

Об авторах:

ЗАЙЦЕВА Елена Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: e_zaitseva@mail.ru

НОВИКОВА Инна Вальтеровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Тверского государственного университета, e-mail: iw_novikova@mail.ru